

Капризы и странности судьбы

Судьба всегда дает шанс! Не верите?

Читайте романы Олега Роя:

■

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Банкротство мнимых ценностей
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Пасынки судьбы
Он & Она
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искупление
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Фантомная боль
Я тебя никому не отдаю
Фамильные ценности
Двойная жизнь
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон

Страх
И небеса пронзит комета
Числа зверя и человека

Диалогия «Ловушка»
Ловушка для вершителя судьбы
Ловушка для влюбленных

Секреты семейного счастья от Олега Роя
МУЖЧИНА и женщина
ЖЕНЩИНА и мужчина
Скользящий странник

Сборник рассказов О. Роя и участников конкурса «Страсти по Олегу Рою»

ОЛЕГ
РОЙ

Обещание нежности
р о м а н

Москва
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблоцкиса*

Рой, Олег.

Р65 Обещание нежности : роман / Олег Рой. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Капризы и странно-
сти судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-04-182840-0

Трудно Андрею Сорокину жить обычной жизнью, если с младенчества он видит чужие мысли. Взросление и развитие его способностей приносит горе не только ему, но и его близким. Изломанные судьбы, предательство и смерть лучших друзей, потерянное имя — следствие его дара. Хватит ли у Андрея сил доверять людям так же, как доверяли ему дельфины в научной лаборатории теплого южного города?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-182840-0

© Резепкин О., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Мартовское солнце ударило в сияющие, чисто вымытые окна маленькой кофейни на Тверской с такой неожиданной силой, что люди, сидевшие за столиками, восторженно заулыбались негаданным солнечным зайчиком на своих белых фарфоровых чашках. Это был первый проблеск тепла в истощенную слякотью, хмурую, уставшую Москву. Посетители расслабленно щурились, с удовольствием подставляя солнечным лучам лица, покрытые легким, дорогим, но искусственным загаром. Весна... Солнце... Это было так чудесно! А потому незаслуженным оскорблением, нелепым посягательством на их права показалась людям странная фигура, внезапно появившаяся у окна со стороны улицы и загородившая солнце.

Эта фигура не имела ничего общего с респектабельным, элегантным фасадом главной улицы столицы. До смешного донельзя (явно больше двух метров), до неприличия грязный и оборванный человек оскорблял даже взор собрата-бомжа, вы-

лезшего на Тверскую, потому что сквозь его лохмотья проглядывало не только немытое, но и покрытое язвами тело, а лицо и руки были обезображены многочисленными порезами и ожогами. Он был поистине страшен, этот осколок какой-то неведомой, наверняка криминальной, трагедии, и благополучные посетители кафе отреагировали на его появление единственно возможным способом: они отвернулись, не желая испытывать чувство стыда и неловкости.

Какая-то женщина тихонько вскрикнула, сидевший прямо у окна хорошо одетый господин торопливо замахал на бомжа рукой, нетерпеливыми жестами приказывая ему отойти прочь, но оборванец не замечал этих жестов или же не понимал, что его гонят. Жадно вытянув шею, разглядывая разноцветные столики, аппетитные пирожные на тарелках и цветущие веточки в маленьких вазочках — неперенные атрибуты богатой, изысканной жизни, — он точно вбирал в себя недоступные ему образы и ароматы, чтобы представить себя на месте этих людей, столь же далеких от него, как если бы это были марсиане. Человек явно озяб и был голоден; он смотрел на чистенький и ухоженный мир кофейни как на уголок давно потерянного рая, вновь обрести который для него было, пожалуй, совершенно невозможно.

— Эй, ты, быдло! Ты что, не слышишь меня?

Грубый окрик за спиной заставил бы вздрогнуть и обернуться кого угодно, но только не этого странного бомжа. Те-

перь этот человек, возраст которого с трудом поддавался определению, был занят совсем уж немыслимым занятием: он поднял вверх худую правую руку, сложил пальцы так, как делают, держа хрупкую чашечку, опасаясь ее повредить, и, кивая головой, подносил воображаемый кофе ко рту. Если бы молодой сержант милиции, который подошел к нему уже вплотную, обладал психологическим чутьем, он сумел бы по скупому, не вытравленному до конца изяществу жестов догадаться, что бомж этот знал лучшие времена и что пальцы его помнят вес фарфора, а потому и передают ритуал застолья так бережно. Но стражу порядка, «при исполнении обязанностей», было наплевать на все эти ненужные тонкости, и почти детская, трогательная игра голодного человека только обозлила его.

— Я тебе уже битый час ору, — громко и недовольно сказал милиционер, остановившись наконец прямо перед нарушителем и чуть покачиваясь на широко расставленных ногах. — Какого хрена ты вылез на эту улицу из своих вонючих подвалов? Что шляешься? Может, теракт готовишь? — И он сам усмехнулся своему предположению: таким бессмысленным оно показалось.

Бомж ничего не ответил. Он смотрел прямо на сержанта спокойным, чуть удивленным взглядом, в его глазах, казалось, плескались синие волны, и что-то теплое вдруг мелькало при взгляде на собеседника, на улицу, на проходящих мимо лю-

дей. Как ни странно, он не выглядел испуганным, скорее непонимающим.

— Ты что, не слышишь меня, что ли? — невольно сбавил обороты милиционер, голос его зазвучал тише и мягче. — Ты, может быть, совсем идиот? Тогда тебе тем более нечего на Тверской делать. Иди, иди себе... — И он начал тихонько наступать на бомжа, тесня его в сторону полукруглой арки в переулок.

Но тот стоял по-прежнему неподвижно, словно не замечая ни угрожавшей дубинки, ни нервно шарахающихся в стороны людей. Молодая дама в шубке из голубой норки брезгливо подобрала полы одежды и нарочито опасливо прижала к груди дорогую сумочку — этот жест окончательно решил судьбу бомжа. Милиционер не мог больше позволить ему находиться здесь, а потому, вздохнув с непривычным и непонятным ему самому сожалением, вызвал по рации наряд.

Патрульная машина подкатила так быстро, как будто ждала вызова на соседнем перекрестке. С любопытством остановившаяся неподалеку старушка, удовлетворенно кивнув головой при виде наряда, забормотала себе под нос: «Ведь могут же работать, когда захочут...» — и заковыляла в сторону Кремля. Неторопливо вылезший из машины старший чин окинул все еще неподвижную фигуру брезгливым взором:

— Из-за него, что ль, звал? Этого забирать?

— Этого, товарищ старшина! — гаркнул милиционер, кру-

тившийся рядом с застывшим на месте бродягой. — Смотри-те, какой он... ужас прям!

— М-да... Нет, эту тварь я в машину не пущу. Кто после него салон будет хлоркой отмывать? Гони его с Тверской, да и все тут.

— Как гнать-то? — жалобно протянул сержант, сдвигая на вспотевший лоб вмиг ставшую тесной форменную ушанку. — Он не реагирует ни на что, молчит, не двигается... Малахольный какой-то. И кожа вся в язвах, видели?

Старшина, только сейчас в подробностях разглядевший скорбную фигуру, присвистнул от изумления и протянул:

— Ну и ну! Прокаженный, что ли? Ты его хоть руками-то не трогал, баран?

— Нет, — покачал головой милиционер, — не трогал.

— Ну и ладно. Давай-ка мы его в переулочек, в переулочек, и с глаз долой. Нечего добропорядочных граждан смущать. Нечего, нечего, гражданин, идите себе...

И они, привычно и скорее для проформы, нежели с подлинной злостью, матерясь, начали теснить нелепую высоченную фигуру в лохмотьях в арку. Бомж, наконец уразумев, чего от него хотят, закивал головой и покорно двинулся прочь с центральной улицы. Однако, зайдя в арку, остановился, прислонился к стене и снова замер, обхватив свои плечи и дрожа всем телом.

Зубы его выбивали ритмичную дробь, сердце замирало и

ухало, точно скатываясь в пропасть. Ему было холодно и одиноко. А самое страшное было то, что бомж не помнил, как оказался здесь, в Москве, и что с ним случилось в том городе, который он привык считать родным. Все это время он с замиранием сердца ждал, что милиция станет спрашивать его, откуда он взялся, как попал сюда, а он не сможет ответить на этот простой вопрос, потому что сам не знает. Но, как выяснилось, подробности его биографии никому не были интересны, главное, чтобы он не пугал своим видом посетителей нарядных кофеен... И, глядя в спину уходившему наряду почти с тоской — все-таки это были люди, хоть на мгновение проявившие к нему интерес, — бомж снова двинулся по Тверской.

Он хотел добраться до какого-нибудь подземного перехода и присесть хоть бы на полчаса: ноги уже отказывались держать его, колени словно одеревенели. Может быть, ему подадут какую-нибудь еду: он сам видел, как иногда сердобольные старушки кидают нищим не деньги, а сосиску или кусок булочки. Непроизвольно сглотнув слюну при этой мысли, бомж быстро и уже не заглядываясь на сверкающие витрины зашлепал по чавкающей мостовой. Ноги тонули в московской грязи, брызги разлетались во все стороны, и, заметив, что солнце уже скрылось за тучами, он невольно усмехнулся появившейся неожиданно мысли: неужели даже весна здесь, на Тверской, выдается только за деньги? Тем, кто сидит в дорогой кофейне, — пожалуйста — солнышко. А тем, кто нищ и бездомен...